

Институт востоковедения РАН

Центр индийских исследований

200-летию Института востоковедения РАН посвящается

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

РОССИЙСКАЯ ИНДОЛОГИЯ И ИНДИЙСКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

16 – 17 мая 2018 г.

Зал Ученых советов ИВ РАН

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

16 мая

11.00 – ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ.

ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ

Т.Н. Загородникова (ИВ РАН)

Начало изучения современной Индии в России. И.П.Минаев

В.П. Кашин (ИВ РАН)

«История Индии» 1979 г. как зеркало отечественной индологии

Ф.Н. Юрлов (ИВ РАН)

Конституция – правовая, политическая и социальная основа современной Индии. От теории к практике

Б.А. Захарьин (ИСАА МГУ)

Выдающиеся индологи-языковеды Москвы и С.-Петербурга в истории отечественной ориенталистики (1817 – 2017 гг.)

Т. Халмирзаев (ГИВ, Ташкент)

Место Московской школы востоковедения в подготовке

индологических кадров Узбекистана

14.00 – 15.00 – перерыв

15.00 – ВТОРАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ

И.П. Глушкова (ИВ РАН)

**Междисциплинарный проект „Под небом Южной Азии“ (2011–2017):
исследовательская лаборатория гуманитарных методологий. Итоги и уроки**

А.В. Бочковская (ИСАА МГУ)

**Перспективы региональных исследований
в российской индологии (панджабский ракурс)**

Т.В. Карташова (Саратовская консерватория)

**Дж.К. Михайлов и его роль в становлении отечественной музыкальной
индологии**

Е.С. Юрлова (ИВ РАН)

Из личного опыта изучения проблем далитов

17 мая

11.00 – ТРЕТЬЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ

Л. Б. Алаев (ИВ РАН)

Загадка системы *джаджмани* в марксистской историографии

В.Я. Белокреницкий (ИВ РАН)

**Советские индологи первого послевоенного поколения
об аграрных проблемах Северо-Западного региона колониальной Индии**

И.А. Дерюгина (ИВ РАН)

Аграрная Индия в трудах ученого-востоковеда В.Г. Растянникова

Т.Л. Шаумян (ИВ РАН)

Махатма Ганди о России и в России

Л.А Черешнева (ЛПГУ)

**Коммунистическая партия Индии и Корейская война 1950–1953 гг.:
взгляд российских индологов**

14.00 – 15.00 – перерыв

15.00 – ЧЕТВЕРТАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ

А.А. Бычкова (НИУ ВШЭ)

Кресло или спальный мешок?

А.В. Иванов (РГГУ)

Андаманские острова.

История колонизации, взаимоотношение этнических групп

В.П. Титов, независимый исследователь

Валерий Федорович Агеев и его труды по истории Синда

Г. В. Стрелкова (ИСАА МГУ)

**Отечественное изучение современной индийской литературы:
прошлое и настоящее**

Е.Ю. Ванина (ИВ РАН)

Индология и современность

(размышления на примере изучения в России истории Индии – и не только)

ТЕЗИСЫ

(в алфавитном порядке)

Л. Б. Алаев (ИБ РАН)

Загадка системы *джаджмани* в марксистской историографии

Система взаимного натурального обмена продуктами и услугами членов разных каст в индийской сельской общине привлекла внимание сразу после открытия британцами существования общин в Индии. Она была воспринята как пережиток первобытных отношений, как этап неполного отделения ремесла от земледелия, как показатель экономической и политической замкнутости индийской деревни. В марксистской историографии образ неподвижной замкнутой общины стал основой концепции «азиатского способа производства». Оставалось загадкой, как могла сохраниться столь первобытная форма в развитых индийских государствах, отличавшихся развитой торговлей и бурной городской жизнью. Другая загадка заключалась в единообразии «штата» ремесленников и членов служебных каст в общинах по всей Индии, а также отсутствие в этом «штате» некоторых иных ремесленников. Многие исследователи, в том числе в нашей стране, пытались решить эти загадки. Зачинателем этих исследований был И.М.Рейснер. Свои варианты понимания системы *джаджмани* предлагали В.И.Павлов и А.П.Колонтаев, А.И.Чичеров, Н.И.Семенова, Э.Н.Комаров, М.К.Кудрявцев, Е.Н.Успенская и автор данного доклада. Попытки объяснить конфигурацию кастового состава индийской деревни экономическими факторами оказались тщетными. Автор доклада доказывает, что система *джаджмани*, во-первых, является результатом детального общественного разделения труда и не изолирует деревню от рынка, а напротив, невозможна без связей с рынком, а во-вторых, состав ее участников объясняется необходимостью соблюдать правила ритуальной чистоты/нечистоты.

К сожалению, представления об индийской общине у многих отечественных историков и историософов, и даже индологов, остаются на уровне рукописи К.Маркса, составленной им для себя в 1858 г. и в дальнейшем им фактически забытой.

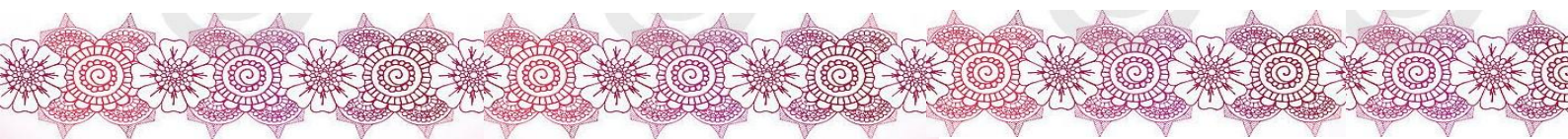

В.Я. Белокреницкий (ИВ РАН)

Советские индологи первого послевоенного поколения

об аграрных проблемах Северо-Западного региона колониальной Индии

В докладе рассмотрены основные подходы представителей советской индологической школы первого послевоенного периода к изучению аграрных отношений в главных областях северо-запада колониальной Индии во второй половине XIX- первой половине XX вв. Эти области после 1947 г. вошли по большей части в состав Пакистана. В центре внимания докладчика работы В.Г.Растянникова по земельно-аграрному вопросу в Пенджабе, С.А.Кузьмина об аграрных отношениях в Синде и Л.Р.Гордон (Гордон-Полонской) в СЗПИ. В докладе подчеркивается, что советские авторы 1950-х годов опирались на обширный фактологический материал, который был собран, обработан и опубликован британскими статистическими службами и послужил основой для ряда ценных монографий колониальных исследователей из числа чиновников (Б.Х.Баден-Пауэлла, М.Л.Дарлинга, Х. Калверта и др.). Отмечается, что внимание советской науки к аграрному вопросу в Индии было традиционно велико и в предвоенные годы и после окончания войны. Положение и роль крестьянства изучались с расчетом на выяснение перспектив иного, чем классический капитализм, пути развития постколониальных государств. Среди ключевых особенностей аграрного строя в северо-западной Индии выделялись специфика систем землевладения и землепользования, формы помещичьей эксплуатации крестьянства, рост очагов торгового земледелия, деятельность торгового и ростовщического капитала, использование зависимых работников и кабального найма. Значительный акцент в ряде работ делался на обострение кризиса сельскохозяйственного производства и рост антиимпериалистического и антифеодального движения крестьянства. Хотя интерпретация крестьянских выступлений представляется ныне искусственной, нужно указать на выявляемые из анализа литературы различия между пуштунским, пенджабским и синдским ареалами, немаловажные в свете того, что некоторые особые их черты сохранились до сего времени.

А.В. Бочковская (ИСАА МГУ)

**Перспективы региональных исследований
в российской индологии (панджабский ракурс)**

В отечественном востоковедении изучение Индии как страны регионов началось относительно недавно. До 1990-х годов приоритет отдавался анализу общеиндийских процессов в разных сферах – истории, политике, экономике, культуре, а также персоналиям, так или иначе связанными с этими процессами. Интерес к регионам – Южной Индии (прежде всего, Тамилнаду), Бенгалии и др. – было наиболее очевиден в филологических исследованиях, ориентированных на языки и литературы крупных этнических общностей южно-азиатского субконтинента. Вместе с тем, к 1990-м годам появился ряд работ, фокусно рассматривавших историю и этнокультурную специфику конкретных штатов или областей страны (в частности, Раджастхан; Северо-Восток Индии), а также особенности регионального экономического и политического развития индийской федерации. Вплоть до сегодняшнего дня территорией, удостоившейся наибольшего внимания в постсоветских индологических исследованиях, остается Махараштра.

Нельзя сказать, что Панджаб – область Пятиречья на северо-западе Южной Азии – оказался на периферии интереса советских/российских историков. Роль Панджаба в колониальной политике англичан, эволюция сикхского учения, особенности взаимоотношений сикхов с другими религиозными общинами, специфические черты сикхского терроризма, – эти и некоторые иные вопросы рассматривались в работах Н.И. Семеновой, А.Г. Бельского, К.А. Демичева, Б.И. Ключева, И.Ю. Котина, Е.Н. Успенской, К.А. Фурсова, Л.В. Хохловой и других авторов. Основной проблемой отечественных панджабских исследований (как, впрочем, и исследований других индийских регионов), было и остается то, что – за единичными исключениями – они базируются на англоязычных источниках, и колоссальный объем ресурсов на местных языках – прежде всего, панджаби (в графиках *гурмукхи* и *шахмукхи*), а также хинди и урду – остается практически не задействованным российскими историками, этнологами и культурологами.

В докладе будет сделан акцент на отечественных, а также зарубежных исследованиях по панджабской территориальности, понимаемой в качестве социально-географического конструкта. Этот вектор сегодня является ключевым для изучения Пятиречья как региона суб- и супранационального уровня.

А.А. Бычкова (НИУ ВШЭ)

Кресло или спальный мешок?

Нельзя не согласиться с утверждением Л.Б. Алаева о том, что «Упадок интереса публики к научному исследованию Индии как особой цивилизации, как это ни странно, сопровождается нездоровым интересом к «индийскости», к эзотерике, к экзотике в самом пошлом ее понимании». Жертвой такого интереса является Северо-восток Индии (так называемые «семь сестер», то есть штаты Ассам, Манипур, Трипура, Мегхалая, Аруначал Прадеш, Мизоррам, Нагаленд). Отсутствием материалов, основанных на полевых исследованиях российских ученых, объясняется появление работ «кабинетных исследователей», основанных на фундаментальных работах британских ученых, отражающих ситуацию столетней давности.

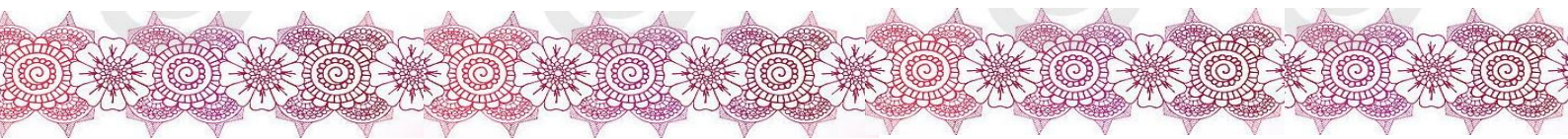
Примером таких «исследований» может служить книга «Племена Индии» Маретиной С.А и Котина И.Ю., изданная в Петербурге в 2011 году, в которой без соответствующих ссылок представлен материал монографий, отражающий реалии конца XIX – начала XX века. В книге ушедшие в прошлое социальные институты, такие как, например, мужской дом племени ао нага, описываются как действующие. Не говоря уже о том, что названия диалектов языка ао нага позиционируются как «подгруппы» племени.

Приятным контрастом, в этой связи, являются материалы международной конференции «Северо-восточная Индия в образах и представлениях культуры: история, земля и люди» (North East India in the Cultural Imaginations: history, Land and People”). Конференция состоялась в 2015 г. в Колкате, к сожалению, без участия российских исследователей.

Северо-восток Индии, интереснейший регион, представленный различными этническими группами и племенами, довольно быстро развивается. Появились новые работы не только европейских ученых, но и местных историков и антропологов, в которых содержится живой этнографический материал.

Нам представляется, что время кабинетных антропологов прошло. В этой связи хочется вспомнить творчество Л.В. Шапошниковой, к 90-летию которой была переиздана ее книга «Дороги джунглей», удостоенная Международной премии имени Джавахарлала Неру за 1967 год. Л.В. Шапошникова посетила племена Кералы и Ориссы в 1963-1965 гг. и оставила этнографические записки, которые и по сей день читаются с интересом.

Возникает желание покинуть удобное кресло и, взяв рюкзак и спальный мешок, отправиться «в поле» за новым материалом.

Е.Ю. Ванина (ИБ РАН)

Индология и современность

(размышления на примере изучения в России истории Индии – и не только)

Тема доклада будет раскрыта в двух аспектах: современность в нашей исторической индологии и современность самой индологии.

Российская индология изначально следовала за своим учителем – европейским ориентализмом – в подходах к истории и оценках, особенно индийского прошлого, но довольно рано, начиная с Г. Лебедева, обрела собственный голос в отношении к индийскому настоящему. Первые и наиболее успешные попытки анализировать современную Индию делались путешественниками, и поскольку над ними не довели постулаты формирующейся колониальной идеологии, русские описания Индии XVIII – начала XX в. были гораздо позитивнее европейских картин «деградации» и «хаоса». Вместе с тем, российские индологи диссонировали с общими для Запада воззрениями своим критическим отношением к британской «колониальной» миссии в Индии и к приносимому ею на субконтинент «прогрессу».

В советские и постсоветские времена оригинальность подходов нашей индологии постепенно утрачивалась. Во многом это было связано с проблемой источников информации: не имея возможности посещать Индию, советские индологи, равно как и официальные власти, в своих оценках индийских событий следовали за индийской коммунистической эмиграцией, так что не стоит удивляться восприятию Ганди и Неру в качестве «британских агентов». И во второй половине XX в. медиевистика следовала за Алигархской школой, изучение истории колониальной и независимой Индии – за индийскими и западными авторами, причем сначала по возможности марксистскими, а затем – антимарксистскими. Проблема источника информации продолжала существовать, поэтому к иностранным авторам обращались, прежде всего, за материалами, а это вело за собой заимствование, часто некритическое, методологий и оценок. После крушения СССР

наши индологи почти единогласно отреклись от прежних кумиров и «открыли» для себя новых – в ряде случаев уже отвергнутых или раскритикованных «там».

Для отечественной индологии, вернее – для небольшой группы тех, кто сохранил ей верность, представляется в равной степени тупиковым как «окукливание» в своей среде вне общения с иностранными коллегами и осмысления их опыта, так и безостановочное следование научным «модам» и «поворотам», которые нередко успевают устареть прежде, чем мы их освоим.

И.П. Глушкова (ИБ РАН)

**Междисциплинарный проект „Под небом Южной Азии“ (2011–2017):
исследовательская лаборатория гуманитарных методологий. Итоги и уроки**

«Южная Азия» отделилась от «других Азий» к концу 1940-х годов, но «законченным продуктом» не стала до сих пор: она то вырастает в размерах до Британской Индии, смыкаясь через Афганистан с Центральной Азией, то ужимается до границ полуострова Индостан, оставаясь без островных государств Индийского океана. Хотя этот концепт не обладает эмоциональным воздействием, свойственным территориям «внелабораторного» происхождения, его включенность в составные названия макрорегиональных ассоциаций (типа SAARC, SACER, SAF и др.) становится инструментом организации и регулирования действительности. Его целесообразность укрепляют вошедшие в научный обиход такие производные, как «южноазиатство» (South Asianism), «южноазиатскость», или южноазиатская парадигма (South Asianess), а также появление новой востоковедной номенклатуры – South Asianist.

Междисциплинарная проект-группа «Под небом Южной Азии» (МПГ ПНЮА) сформировалась в 2011 г. в целях изучения Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала, Бутана, Шри-Ланки и Мальдивов как компонентов макрорегиона площадью в 4,5 млн кв км (10% всей Азии), жители которого в сумме с диаспорами составляют пятую часть более чем семимиллиардного населения планеты. МПГ ПНЮА следует проблемно-предметному подходу, соединяя его жесткие критерии с определенными методологиями гуманистики XXI в. Визуальный, мобильный и пространственный «повороты», теория коммуникативности, эмоциональный и материальный «повороты» и ряд концепций из Labour Studies стали основой для исследования тем: «Портрет и скульптура», 2011;

«Движение и пространство», 2012; «Территория и принадлежность», 2013; «Хула и хвала», 2014; «Стыд и гордость», 2015; «Вещь и польза», 2016; «Слуга и хозяин», 2017. Осмысление и интерпретация конкретного материала осуществлялась в форматах полевых исследований, семинаров, воркшопов, ежегодных всероссийских конференций и публикаций соответствующих томов, четыре из которых уже вышли в свет, в экспериментальном – «гибридном»/многожанровом – стиле для создания голографического объема темы.

Главной модальностью проекта ПНЮА стал отказ от «вообще», то есть от воспроизводства общеизвестной, поверхностной информации, банальностей и стереотипов, а императивным принципом/кредо – сосредоточенность на «в частности», иными словами на вскрытии конкретики, локальных обстоятельств и механизмов, которые конструируют «Южную Азию» и воздействуют на происходящее «под ее небом». Доклад предложит статистический и сущностный анализ итогов и уроков семилетней деятельности МПГ ПНЮА.

И.А. Дерюгина (ИВ РАН)

Аграрная Индия в трудах ученого-востоковеда В.Г. Растянникова

В.Г. Растянников был крупнейшим специалистом в области аграрно-крестьянских проблем Индии. Научная деятельность широка и многообразна. На его счету около 150 научных работ, в том числе 30 книг, которые он подготовил как автор и редактор-составитель. Многие труды в переводе на английский, индийские и другие языки издан за рубежом, в том числе в Индии, Японии, Великобритании, США.

Начало научной деятельности В.Г. Растянникова было определено кандидатской диссертацией «Аграрные отношения в Пенджабе (1900–1947 гг.)». В центре внимания исследование институтов земельной собственности в Пенджабе, тенденций развития капитализма в сельском хозяйстве. Целью работ этого периода В.Г. Растянников ставил выявление противоречий между новым хозяйственным организмом и старым феодально-помещичьим землевладением, которые приводили к вымыванию огромной массы крестьян из процесса производства.

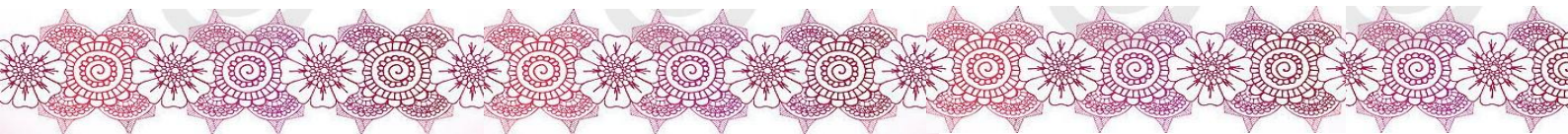
Однако его известности как ученого-аграрника мирового класса, положило исследование эволюции аграрных отношений в Индии, которое впоследствии стало

основой его докторской диссертации и изданной в Великобритании монографии «Agrarian Evolution in Multiform Structure Society. Experience of Independent India». Эта работа в 80-90х годах стала учебником для студентов-индологов во всем мире.

Научные интересы В.Г. Растяникова на протяжении всей его научной жизни были сосредоточены на развитии капитализма в аграрном обществе Индии, его влиянии на классовообразование, сосуществование различных форм собственности в индийской деревне. Но в то же время подходы и методы исследования постоянно трансформировались, и главное здесь не смена парадигмы понятий, произошедшая после развала СССР, а живой механизм социально-экономической жизни Индии.

В.Г. Растяников посвятил много времени и сил изучению продовольственной проблемы в Индии и других странах Востока. Он первым в российском востоковедении подошел к исследованию этого вопроса как к проблеме глобального масштаба. Особое внимание он уделял тому, как усиление интернационализации мирового способствовало возникновению продовольственных кризисов и появлению социально-экономических диспропорций в экономике Индии и стран Востока.

Обобщая теоретические аспекты становления капитализма в сельском хозяйстве Индии и стран Востока, под его руководством (совместно с Г.К. Широковым) была издана книга «Капитализм на Востоке во второй половине XX в.» (1995 г.). Задуманная еще в период до распада СССР, монография свободна от узости традиционного советского взгляда. Книге принадлежит особое место в теоретическом осмыслении проблем социально-экономического развития на периферии мирового капитализма.

Т.Н. Загородникова (ИВ РАН)

Начало изучения современной Индии в России. И.П.Минаев

Изучение Индии в России началось с изучения современной Индии.

В 1719 г. Даниил Готлиб Мессершмидт (1685-1735), ботаник и врач, встретил в Иркутске православного индийца родом из Дели купца Парасотамагире, брал у него уроки, с помощью Парасотамагире он составил перечни индийских названий животных, птиц и растений. Георг Якоб Кер (1692-1740), профессор-востоковед, в 1733 г. познакомился с астраханским купцом Сунгарой, жившим тогда в Петербурге, и брал у

него уроки. Тетрадь Кера, озаглавленная «Об индо-мултанском диалекте» была одной из первых попыток изучения диалектов Северо-Западной Индии, записи в ней позволяют составить представление об обычаях, культуре и религии жителей астраханской колонии.

Герасим Степанович Лебедев, 12 лет проживший в Индии, в своих книгах старался показать истинную премудрость изначального христианства, сохраненную брахманами, и способствовать налаживанию торговли между нашими странами. Но его попытка не вызвали отклика в обществе. Общество не ощущало потребности в знании реальной, современной ему Индии. Интерес к событиям в Индии возник в Российской империи с 60-х гг. XIX в., с начала завоевания Средней Азии, с начала Большой игры. Знание противника было необходимым условием этой игры.

Иван Павлович Минаев (1840-1890) был первым русским индологом, сочетавшим интерес к древней и современной Индии. Он совершил три путешествия по Индии. Он не только собирал фольклор и искал рукописи по истории, философии и религиям Индии, но и внимательно наблюдал за тем, что творилось вокруг. Каждая из этих поездок была связана с военным министерством. Отчеты профессора содержали взвешенную оценку состояния умов индийцев, даже если она шла в разрез с мнением российских военных. Военное ведомство и И.П.Минаев были едины в том, что касалось изучения современной Индии. Профессор И.П.Минаев призывал к изучению современности и основал школу российской индианистики. Он оставил после себя несколько талантливейших учеников, которые продолжили его исследования, касающиеся классической индологии, к сожалению, современная Индия не стала предметом их изучения.

Б.А. Захарьин (ИСАА МГУ)

**Выдающиеся индологи-языковеды Москвы и С.-Петербурга в истории
отечественной ориенталистики (1817 – 2017 гг.)**

«Грамматика калькуттского хиндустани» Г.Лебедева как самое раннее в России описание функционирования живого индийского языка.

Начальные попытки преподавания санскрита в С.-Петербурге (Ф.Аделунг, Р.Ленц) и Москве (П.Петров).

Научная деятельность О. Бетлингга и его «Большой Петербургский словарь» (1842 – 1876) как образец разработанного в России академического подхода к индийской лексикографии и лексикографии.

И.П.Минаев - основоположник отечественной собственно научной индологии, его активность как языковеда и преподавателя санскрита и пали.

Ф.Ф.Фортунатов как родоначальник индологического языкознания в России и как основатель Московской фортуновской школы.

Идеологическое противостояние в 20-е – 30-е гг. между «консерваторами» (Ф.И. Щербатским, С.Ф.Ольденбургом, М.Н.Петерсоном) и их советскими оппонентами - «новаторами». Противоречивая фигура академика А.П.Баранникова. Индологи – лингвисты 30-х – 40-х гг. как жертвы политических репрессий (Востриков, супруги Мерварт, В. М. Бескровный и др.).

Научно-исследовательская деятельность и преподавание языков Индии ленинградскими лингвистами-индологами (Т.Е. Катенина, Г.А. Зограф) и их московскими коллегами (В.Н. Топоров, Т.Я. Елизаренкова) во второй половине 20-го в.

Исследовательская активность В.П. Липеровского – подвижника и знатока грамматики и лексики языков хинди и урду.

Современное положение дел в области лингвистической индологии в России.

А.В. Иванов (РГГУ)

Андаманские острова.

История колонизации, взаимоотношение этнических групп

Начать стоит со степени изученности данного вопроса. В 1995 г. С. А. Маретина публикует книгу «Андаманцы. К проблеме доземледельческих обществ»¹. Насколько мне известно, это единственная работа на русском языке, посвященная данной теме, к сожалению, она написана антропологом старой школы и рассматривает андаманцев в парадигме эволюционизма, раскладывающего все общества по степени развития производственных отношений с обязательным технологическим прогрессом. Некоторые

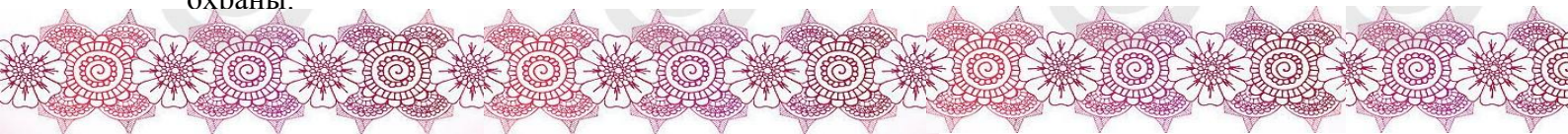
¹ СПб: «Наука»; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 1995.

материалы из этой книги вышли в виде отдельно статьи в сборнике «Племена Индии» (2011). «Андаманцы — племена, находящиеся на начальном уровне развития» (с. 25), «... андаманское общество не дошло до развития родовых связей и создания длинных генеалогий. Напомним, что речь идет о тупиковом варианте развития, отличном от генеральной линии эволюции» (с. 16).

Беда не в том, что Софья Александровна не была специалистом по аборигенам и даже не разделяла их на этнические группы, и не ясно, о каких именно «андаманцах» она рассказывает: об ярава (анг), об онге или об одной из 10 групп так называемых Великих андаманцев (аборигены с группы островов, объединенных под условным названием Великий Андаман). И дело даже не в том, что в статье довольно много технических ошибок (так ярава были поселены Софьей Александровной на остров Малый Андаман вместе с санинеляцами); беда в том, что в отечественной этнографии стало традицией писать о том, чего сам не видел, или если видел, то мельком. Ни одной полевой работы на островах отечественными этнографами не проводилось, да и зарубежных исследователей можно перечислить по пальцам. Поэтому используется старая литература на английском, прежде всего работы М. Портмана и А. Рэдклифф-Брауна, и как следствие делаются подобные выводы: «вся структура традиционного общества андаманцев не восстановлена с достаточной убедительностью. Очевидно, что описанное ранними исследователями общество (когда андаманцы уже деградировали, но еще существовали) выглядит как крайне примитивная структура... Бродячие группы с текучим составом, который не вмещается в имеющиеся классификации (патрилинейная, экзогамная и прочие группы), с несложившимися родовыми категориями, неразвитой системой власти, трудно определяемыми брачными нормами» (с. 19). Если бы этнограф сам пожил среди тех, о ком пишет, то формулировки были бы иными.

Здесь я должен пояснить выбор темы своего доклада. Я тоже не проводил полевого исследования среди аборигенов, и тому есть причины. Рассказывая об истории колонизации островов, о бесконечных войнах, не завершившихся до настоящего времени, и о взаимоотношениях между колонистами и аборигенами, я рассчитываю эти причины пояснить. Используя материалы истории, начавшейся в сентябре 1789 г., я рассчитываю на объективность, ведь исторические факты более упрямая вещь, чем интерпретации этнографов. Я планирую рассказать о тех событиях, которые определили настоящее положение дел и создали условия, в которых проведение полевой работы с любой из этнических групп Андаманских островов крайне затруднительно. И эти события никем не описаны, и даже на английском языке (а по-английски пишут современные индийские

антропологи). Полагаю, знание этих фактов позволит взглянуть на эти солнечные острова под другим углом, и понять, что граница между раем и адом порой остается совсем без охраны.

Т.В. Карташова (Саратовская консерватория)

Дж.К. Михайлов и его роль в становлении отечественной музыкальной индологии

Отечественная музыкальная индология – наука сравнительно молодая. Первыми исследованиями индийской музыки, проложившими путь в музыкальную индологию, являются работы Л. С. Синявера «Музыка Индии» (1958), М. П. Бабкиной «Музыка Индии» (1966), В. С. Виноградова «Индийская рага» (1977), И. З. Олендер «Музыкальные инструменты Индии» (1979), которые носят в основном популярный характер и рассчитаны на широкую читательскую аудиторию.

Отправной точкой в развитии музыкальной индологии стало появление оригинального научного направления «Музыкальные культуры мира» и открытие в середине 70-х годов прошлого века нового учебного курса в Московской консерватории. Данное направление основал учёный и композитор Дживани Константинович Михайлов (1938–1995). На основе опыта Берлинской школы сравнительного музыкознания, данных этномузыкологии, а также достижений целого ряда смежных с музыкознанием, Михайлов сформировал новую новаторскую методологию, суть которой заключается в развитии взгляда на музыкальную культуру мира как на единую систему глобального характера, все части и элементы которой функционально связаны.

Именно он впервые поднял вопрос о множественности и равнозначности музыкальных цивилизаций мира. В своих научных работах на «индийскую тематику» он впервые применил системный подход к рассмотрению базовых проблем музыкального искусства: вступительная статья к русскому переводу книги Б.Ч. Девы «Индийская музыка» (1980), диссертация «Современные проблемы развития музыкальной культуры стран Азии и Африки» (1981), статьи «Музыкальная культура Индии и её место в современном мире: опыт системной типологизации» (1988), «О возможности и необходимости универсальной терминологии в музыке» (1990).

Дж. К. Михайлов всю свою жизнь посвятил делу изучения разных музыкальных цивилизаций. Его творческая деятельность во многих странах мира носила поистине

музыкальное искусство разных культур является важным и несомненным достижением не только в отечественной, но и в мировой музыкальной индологии.

В.П. Кашин (ИБ РАН)

«История Индии» 1979 как зеркало отечественной индологии

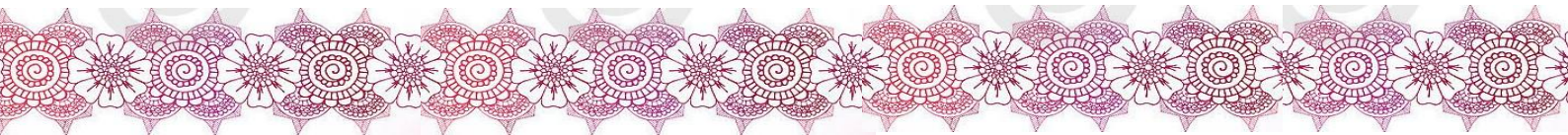
Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. «История Индии». Издание второе, исправленное и дополненное. М.: «Мысль». 1979. Коллективная монография, зеркало отечественной индологии и настольная книга нескольких поколений, определившая и мою судьбу.

Г.М. Бонгард-Левин – вдохновитель и организатор проекта и автор раздела «Индия в древности». Этот раздел продуман, хорошо структурирован и призван отражать любые атаки в адрес авторского коллектива. В отличие от первого издания 1973 г. второе - имеет подраздел «Изучение древней Индии», и в книге отсутствует кавказский след индоариев.

Автором истории Индии в средние века и новое время является К.А. Антонова. Ее характеристика феодализма, земельной собственности и капитализации Индии дала толчок ряду научных дискуссий. Преданность своим «полемичным суждениям» она в полной мере сохранила и в настоящей коллективной монографии.

Самый «уязвимый» раздел истории Индии взял на себя Г.Г. Котовский. Империализм, непонятно когда занесенный на Индостан, освободительная борьба в ограниченных рамках, «передача власти» и муки доминиона, народная война в Теленгане, республика с проблемной экономикой и политизированная современность в духе идейно-политического сближения Индии и СССР, а также олицетворявшая Индию Индира Ганди, деятельность которой была направлена на борьбу с теми, кто не разделял ее социалистических ориентиров: национализация крупных банков, укрепление государственного сектора экономики, преодоление бедности, дружба с Советским Союзом – таковы установки господствующей идеологии, получившие отражение в монографии.

В «Истории Индии» 1979 г. 27 постраничных сносок: 13 на К. Маркса и Ф. Энгельса, 7 – В.И. Ленина, 2 – Л.И. Брежнева, 1 – Ф.И. Щербатского, 1 – «Материалы 25 съезда КПСС» и 3 сноски на газету «Правда», причем все 3 на последней странице книги.

Г. В. Стрелкова (ИСАА МГУ)

Отечественное изучение современной индийской литературы: прошлое и настоящее

Отечественная индология, зародившаяся еще в конце XVIII века, вплоть до начала XX века уделяла основное внимание древнеиндийской литературе на санскрите и пали. Вместе с тем, некоторые российские исследователи проявляли интерес и к более поздней литературе. Это подтверждает пример русского путешественника Герасима Лебедева, который перевёл с бенгальского «Видья Сундар» - вторую, наиболее популярную и по сей день часть поэмы «Оннода монгол коббо» поэта Бхаратчандра Рая, написавшего её в середине XVIII века. Исследования более современной индийской литературы начались практически лишь в 1920-е годы. На примере изучения индийской литературы Нового времени и современности можно проследить, как менялся подход индологов-литературоведов к выбору и исследованиям литературных произведений на многих индийских языках. В качестве основного избирался, как правило, историко-типологический метод, при этом в Советскую эпоху большую роль играл и марксистский - «классовый подход», что определяло выбор социологического метода. Это особенно явно проявилось в 1950-1970 годы, например, при выборе исследуемых произведений предпочтение отдавалось «социальной» литературе, часто с коммунистической направленностью. «Вульгарный социологизм» был приметой и некоторых индийских трудов, например, этим отличается «Очерк истории литературы хинди» Ш. Чаухана, переведённый на русский язык еще в 1960 году. Однако, многотомный фундаментальный труд «История мировой литературы», хотя и был издан в основном во времена СССР, даёт достаточно объективную картину развития индийской литературы на протяжении веков – от Древности почти до конца XX века. Одновременно отечественные индологи-литературоведы (П.А.Гринцер, А.М.Дубянский, В.К.Ламшуков, Н.А.Вишневская) показали очень большое, значимое место, которое занимает индийская литература в Мировой литературе и в мировом литературном процессе.

В докладе на примере исследований литератур хинди, урду, маратхи будет показано, насколько менялся подход к изучаемому материалу. Отечественные индологи - литературоведы (Г.А.Зограф, А.П.Баранников, В.И.Балин, Е.П.Чельшев, Н.В.Глебов, А.С.Сухочев, Н.Д.Гаврюшина, В. Чернышов, С.М.Эминова и многие другие) прибегали к различным методам. Среди них не только типологический, но и системно-структурный, историко-теоретический, биографический и другие, ориентированные на литературный или культурно-исторический контекст. Важно, что многие исследователи были одновременно и переводчиками, благодаря которым и читатели из бывших Союзных республик СССР смогли познакомиться с индийской литературой. В 1990-е годы исследования и переводы современной индийской литературы в нашей стране почти

В.П. Титов, независимый исследователь

Валерий Федорович Агеев и его труды по истории Синда

В работах, вышедших в 1979 и 1986 годах была закреплена роль В.Ф. Агеева в качестве одного из выдающихся советских специалистов-востоковедов и индологов по проблематике истории провинции Синд. В настоящее время эти работы представляют собой фундаментальную историю Синда от периода накануне английского завоевания Индии и до развития провинции Синд в составе Пакистана.

В работах В.Ф. Агеева рассматриваются общие проблемы и специфические особенности исторического развития провинции Синд. Отдельные главы были посвящены проблемам развития Синда в доколониальный и колониальный периоды. Далее внимание автора было сосредоточено на новейших проблемах развития провинции в составе Пакистана.

Заслуга В.Ф Агеева как крупного специалиста в области изучения истории Индии и Синда получила профессиональное признание в российском, индийском и пакистанском научных сообществах.

Последовательное описание эволюции Синда охватывает в работах В.Ф. Агеева широкий круг узловых проблем и событий, происходивших на протяжении длительного исторического периода. В структуре работ выделены основные социально-экономические

и политические проблемы и процессы, главные персонажи происходивших изменений очень сложного и противоречивого времени.

Анализ более поздней историографии Синда свидетельствует, что описание исторической эволюции этой части Индостана В.Ф. Агеевым не потеряло своей актуальности.

Т. Халмирзаев

Место Московской школы востоковедения в подготовке индологических кадров Узбекистана

Первые шаги в Средней Азии в области индологии были сделаны в конце XIX в., когда, по Указу императора России, при Туркестанском военном округе создавался центр «Офицерская школа по изучению восточных языков», где в числе первых среди них был назван «индустани (урду) язык». Офицеры Центра А. Выгорнитский и И. Ягелло тогда подготовили и первые учебные пособия по этому языку. В советское время, здесь работали Сотников М.Н., Москалев В.С., Серебряков И.Д., и др. В 1943 В.С. Москалев опубликовал в Ташкенте, первый в Советском Союзе Русско-урду словарь объемом в 400 страниц «Русско – урду разговорник» и «Хрестоматию по языку урду».

Важным этапом в развитии науки в Узбекистане явился 1943г., когда, по решению Союзного правительства создается Академия наук учреждается «Институт изучения рукописей». В 1947г., на восточном факультете Средне-Азиатского гос. университета открывается кафедра индийской филологии, которую возглавляет В.С. Москалев. На факультете работали такие известные востоковеды: Н.А. Халфин, Ф.А. Заславская, Г.Л. Бондаревский; они успешно занимались и наукой. Их работы печатались как в местных, так и в российских изданиях.

В Институте востоковедения АН Узбекистана, плодотворно трудились такие выдающиеся русские востоковеды, как Бертельс Е.Э., Беляев В.И., Кононов А.Н., Петрушевский Н.Д., Смирнов А.А. В 1957 г. здесь создается отдел «Истории, экономики, культуры Индии, Пакистана». Его штат практически весь был укомплектован выпускниками кафедры индийской филологии Ташкентского университета. Наиболее плодотворным здесь было изучение историко-культурных связей между народами Индии

и Средней Азии, писателей и поэтов. Большинство его сотрудников (более тридцати человек) прошли курс аспирантуры или стажировку в ИВАНе Москвы. Московскую аспирантуру там проходили и индологи Ташкентского университета. Их научными руководителями были маститые ученые как Е.П. Чельщев, И.Д. Серебряков, В.М. Бескровный, А.С. Бархударов, В.П. Липеровский, Т.Я. Елизаренкова, А.С. Сухочев и др.

В заключение хотелось бы отметить следующее:

В становлении и развитии индологии в Узбекистане важную роль сыграл Институт востоковедения Москвы и его ведущие ученые. Благодаря таким тесным связям Узбекистан в советское время считался одним из признанных центров индологии, в целом, востоковедения. Однако в последнее время наши контакты очень сильно ослабли. Поэтому ведущим ученым-востоковедам наших стран следовало бы обратить на это самое серьезное внимание.

Л.А Чершнева (ЛПГУ)

Коммунистическая партия Индии и Корейская война 1950–1953 гг.: взгляд российских индологов

Корейская война 1950–1953 гг., ставшая полигоном неформального столкновения мировых систем в лице США и СССР–КНР, поставила Коммунистическую партию Индии перед сложным выбором: солидарность с коммунистическими державами или поддержка интересов собственного государства? Возможно ли соединение стратегий? Отношение индийских коммунистов к вооруженному конфликту на Корейском полуострове представляет интерес для изучения целого ряда проблем: коммунистического движения в Индии в первые годы независимости, его взаимоотношений с КПСС и КПК, антикоммунизма правящего Индийского национального конгресса и первого премьер-министра Джавахарлала Неру, причин раскола в КПИ. В докладе дана характеристика изменений в политике КПИ в зависимости от внешних факторов (переписка Неру–Сталина, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 07.10.1950 г. и т.д.) и раскола в рядах КПИ. Основной упор сделан на степени изученности и оценках заявленной проблемы в работах современных российских индологов.

Т.Л. Шаумян (ИВ РАН)

Махатма Ганди о России и в России

Отношение Махатмы Ганди к России, ее культуре и истории представляет особый интерес. Считается, что знакомство Ганди с Россией состоялось благодаря его контактам с Львом Толстым. Фактически первым русским писателем, которым он заинтересовался, был Максим Горький. В статье в газете "Indian Opinion" 1 июля 1905 года Ганди отмечал, что «в Европе нет другого писателя, который был бы таким же великим защитником прав народа, как Максим Горький».

Переписка между Ганди и Толстым охватывает 1909-1910 годы, в это время молодой Ганди только начал общественно-политическую деятельность, Толстой уже завершал свой жизненный путь. Уважение к Толстому Ганди хранил всю жизнь. «Толстой был одним из тех учителей, перед которым я склоняю голову», - писал он в 1935 году.

«Гандиана» в отечественной историографии отражала состояние советского/российского общества в каждый отдельный период его развития. В советской исторической литературе 20-х годов преобладала оценка гандизма как мелкобуржуазной и крестьянской идеологии. После высказывания Сталина о том, что буржуазия вместе с феодалами и империализмом как реакционная сила противостоит трудящимся, Ганди был отнесен к разряду буржуазии, и произошло фактическое отрицание его положительной исторической роли.

В 10 томе Большой советской энциклопедии (1952 г.) Махатма Ганди был описан как «реакционер, предавший народ и помогавший империалистам в борьбе с ним; притворялся сторонником независимости Индии и врагом британцев и широко эксплуатировал религиозные предрассудки»; он упоминался как «автор реакционной политической доктрины - "гандизма"».

Такого рода оценки были признаны односторонними в 1956 г., после XX съезда КПСС в работах советских востоковедов А.А.Губера, А.М.Дьякова, Е.М.Жукова и И.М.Рейснера. Оценки мировоззрения и исторической роли Ганди со стороны советских ученых значительно изменились в 60-80-х годах, что нашло отражение в работах Э.Н.Комарова и А.Д.Литмана, А.И.Регинина, О.В.Мартышина и др.

Жизни и мировоззрению Ганди посвящена довольно обширная советская литература. Можно назвать работы Р.А.Ульяновского, А.Горева, М.Т.Степанянц,

Л.Р.Полонской, Р.Б.Рыбакова, В.П.Кашина, С.В.Девяткина, В.А.Василенко, В.Н.Трофимова и др.

И если уроки Ганди, его наследие и его призывы пока не привели к отказу от насилия и жестокости, необходимо отдать должное этой выдающейся личности, которая привлекала внимание к таким вечным ценностям, как ненасилие и терпимость.

Ф.Н. Юрлов (ИВ РАН)

**Конституция – правовая, политическая и социальная основа
современной Индии. От теории к практике**

1. В советской/российской историографии прослеживаются по крайней мере два подхода к вопросам и проблемам, связанным с выработкой и действием Конституции Индии. Первый – леворадикальный (социалистический), который был представлен Джавахарлалом Неру, и второй – правый, консервативный, который олицетворял Патель. Результатом этого стала борьба в Учредительном собрании (1946–1949), которая завершилась компромиссом. Идея о создании социалистического государства в Индии отошла на задний план. Вместо нее были приняты предложения о экономической демократии и социально-экономической и политической справедливости.

2. Однако Неру, будучи премьер-министром, не прекратил борьбу за социалистические идеалы. Хотя еще раньше в 1930-е гг. он писал, что коммунизм и социализм, по-видимому являются делом далекого будущего.

3. Конституция Индии была выработана индийцами с учетом опыта многих стран и специфических индийских исторических и социально-культурных особенностей. Обсуждение конституции проходило в условиях открытости, жестких дискуссий и борьбы разных мнений в течение трех лет.

4. Конституция учреждала Индию как суверенную демократическую республику, призванную обеспечить социальную, экономическую и политическую справедливость, свободу мыслей, выражения мнений, вероисповедания и единство нации.

5. Характерной особенностью Конституции Индии было то, что она была выработана индийцами, без прямого постороннего вмешательства. Почти в то же время, например, Конституция Японии, вступившая в силу в мае 1947 г., была подготовлена американцами, и любая поправка к ней в парламенте Японии подлежала одобрению американцев. Это связало все будущие действия японцев, особенно в сфере обороны. В этой же связи упомянем Конституцию РФ, которая была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Но не обсуждалась в представительном законодательном органе – учредительном собрании, который не был создан для этой цели, или парламенте.

6. На более позднем этапе развития государственности Индии в конституцию страны в 1971 г. была внесена 24-я поправка (статья 368), которая предусматривала возможность изменения конституции парламентом страны, и для этого была выработана процедура. К тому времени уже были внесены изменения в основной закон страны путем президентских приказов (указов). Таким образом можно утверждать, что Конституция Индии никогда не была «священной коровой».

7. Советские/российские исследователи внимательно следили за событиями, связанными с выработкой, принятием и изменениями в Конституции Индии в ходе социально-политического и экономического развития страны. Характерно, что интерес к Конституции Индии проявили как правоведы, так и историки-индологи. Это нашло отражение в их работах.

Е.С. Юрлова (ИВ РАН)

Из личного опыта изучения проблем далитов

В настоящее время в Индии насчитывается около 200 млн далитов (бывших неприкасаемых). За годы независимости они заметно продвинулись в социально-экономическом развитии. В том числе в результате резервирования для них мест в государственных учреждениях, предприятиях и высших учебных заведениях. Это привело к росту их влияния в общественных и политических структурах страны. За голоса далитов на выборах идет жесткая борьба. И тем не менее далиты до сих пор остаются одной из самых обездоленных групп населения.

Историография исследований советских и российских авторов кастовых проблем, в том числе далитов, достаточно обширна. До независимости Индии эти авторы опирались на документы британской колониальной администрации, которые не выходили за рамки колониального мышления. Тем не менее советские/русские авторы стремились выработать свой подход к проблемам низших классов и каст индийского общества.

Вместе с тем ограниченность источников и данных по кастовой проблематике, тем более связанных с далитами, затрудняли эту работу. И только после достижения Индией независимости появилась возможность, но далеко не сразу, более глубоко изучать эти проблемы. Хотя полевые исследования на этом направлении не проводились.

Среди первых индологов, которые обратились к кастовой теме были А.М. Дьяков, И.М. Рейснер, Э.Н. Комаров, В.Я. Граше (В.И. Павлов). Так, например, И.М. Рейснер в работе «Восстание джатов области Агра-Дели в конце 17– начале 18 века» подчеркивает, что сословно-кастовая группа джатов состояла из ряда кастовых подразделений, одни из которых занимали более высокое, другие более низкое место в кастовой иерархии. Были среди джатов и «неприкасаемые», находившихся на положении гонимых и униженных изгоев.

Проблемы далитов в современной Индии получили освещение в работах Л.Б. Алаева, Г.Г. Котовского, М.К. Кудрявцева, А.А. Куценкова и других индологов. Даже после независимости сама тема «неприкасаемых» (зарегистрированных каст) была долгое время секретной и контролировалась министерством внутренних дел Индии.

В этих условиях для меня большое значение имели личные неофициальные контакты с рядом индийских ученых и политических деятелей, занимавшихся проблемами далитов. Среди них основатель Бахуджан самадж парти (Партия большинства народа) Канши Рам, который придал этой партии политическое звучание, особенно в штате Уттар Прадеш.

Мои полевые исследования проблем далитов в ряде штатов Индии, включая Уттар-Прадеш, Хариану, Махараштру, Тамилнаду, Гуджарат помогли мне лучше понять и проанализировать реальное положение далитов в этих регионах.

